

source]. URL: http://www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/ED/ED/pdf/FFA_Complet_Web-ENG.pdf (date of circulation: 20.02.2018).

7. United Nations. 1994. Salamanca statement and Framework for action of special needs education. [Electronic resource]. URL: http://www.unesco.org/education/pdf/SALAMA_E.PDF (date of circulation: 20.02.2018).

8. United Nations. 2015. Education for all 2000–2015: achievements and challenges: EFA global monitoring report. [Electronic resource]. URL: <http://www.unesdoc.unesco.org/images/0023/002322/232205e.pdf> (date of circulation: 20.02.2018).

УДК 316.4.06

Комарова М. В., Буханцов В. В.

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ОТВЕТ НА СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

Рассматривается проблематика социальной справедливости в мировоззренческом, идейно-идеологическом, институциональном и политико-процессуальном контекстах. Делаются выводы о непротиворечивости фундаментальных ценностей и их вариативном институционально-государственном воплощении на современном Западе. Именно это обеспечивает сведение к минимуму рисков национальной безопасности. Политический процесс в условиях российской действительности в данном измерении, как представляется авторам, не может претендовать на качественную специфику. Это вызывает неизбежное стремление всех главных акторов находиться в пределах социально-правового социал-демократического смыслового континуума. Расхождение ценности социальной справедливости с социально-политической общественной динамикой может стать главной угрозой национальной безопасности.

Ключевые слова: социальное государство, социальная справедливость, социальная стабильность, национальная безопасность.

Komarova M. V., Buhancov V. V.
Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIAL JUSTICE AS A RESPONSE TO SOCIAL RISKS

The article deals with the problems of social justice in ideological, ideological, ideological, institutional and political-procedural contexts. Conclusions are drawn about the consistency of fundamental values and their variative institutional and state incarnation in the modern West. This is what minimizes the risks to national security. The political process in the conditions of the Russian reality in this dimension, as it seems to the authors, cannot claim a qualitative specificity. This causes the inevitable aspiration of all the main actors to be within the social and legal social-democratic semantic continuum. The divergence of the value of social justice with socio-political social dynamics can become the main threat to national security.

Keywords: social state, social justice, social stability, national security.

Лозунг Нового времени – «Свобода! Равенство! Братство!» – никто не отменял. Современное общество постоянно стремится к гармонизации, положенной в его основание. Естественно, что это противоречивое единство очень трудно удержать в рамках паритета. Поэтому некоторые современные общества впадают в ересь свободы за счет социальной справедливости. У других приоритет остается именно за ней, справедливостью. Общества первого типа представлены США, в первую очередь. Старая Европа – общество сначала равенства и братства, и уж потом – свободы. По крайней мере, так видит отличия Америки и традиционной Европы (Западной Европы) Ф. Фукуяма [4].

Тем не менее, все отличия все же не позволяют рассматривать различные сегменты Запада как разные культурные миры. Скорее, это даже не разные элементы, а разное состояние одной культуры. Ее институционализация во властно-управленческой сфере рождает различные модификации одной формы – социального правового государства. Оно не только правовое, т.е. задающее параметры формального равенства. Оно и социальное, т.е. задающее параметры фактического равенства. Основная масса людей Запада принадлежит к так называемому среднему классу. «Средний» – значит лишенный специфического качества.

Несмотря на разветвленность институтов гражданского общества, именно государство несет ответственность за социальную стабильность и устойчивость социального положения всех моментов социума (от граждан до общества в целом). Это обусловлено природой государства, обладающего всем спектром властных полномочий. Как основной субъект социальной политики, понимаемой в широком смысле слова, государство с неизбежностью превращается в социальное государство.

Идея социального государства состоит в политическом и правовом упорядочении жизни общества на принципах гуманизма, выполнении комплекса социально-различных функций, создании условий для развития гражданского общества. За послевоенные годы в развитых демократиях сложились различные модели социального государства. Три основные – либеральная, корпоративная, общественная (солидарная). Они отличаются между собой, во-первых, ролью и степенью участия в социальной политике трех ее основных субъектов (государства, корпорации, личности), а, во-вторых, задействованностью в реализации социальной политики иных институтов гражданского общества.

В основе либеральной модели социального государства лежит принцип социальной свободы личности (индивидуализм). Индивидуализм предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своих близких. Естественно, что роль государственных структур в непосредственной реализации социальной политики минимизирована. Основными субъектами являются личность, социально-страховые фонды, ассоциации. Финансовую основу социальных программ составляют частные сбережения и частное страхование. Ответственность государства распространяется только на минимальные доходы всех граждан и благополучие наименее слабых слоев населения. Зато государство максимально стимулирует создание и развитие различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, но главное – обеспечивает различные средства и способы получения гражданами своих доходов. Таким образом, либеральное социальное государство участвует в социальной политике через организационно-правовую институционализацию негосударственных финансовых потоков на социальные нужды (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, пособия по безработице, социальная защита и т. д.) и через развитие всей рыночной инфраструктуры получения доходов гражданами.

Вторая модель социального государства базируется на принципе корпоративизма. Здесь в соответствии с принципом максимальная ответственность за судьбу граждан ложится на корпорации. Естественно, что в этом случае пространство гражданской свободы сужается, так как гражданин в определенной мере вытесняется работником. Создавая систему пожизненного найма, предприятие привязывает работника и «вынуждает» вносить максимальный трудовой вклад, но взамен предоставляет социальные гарантии в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских, рекреационных, образовательных услуг. Конечно, ни государство, ни негосударственные фонды, ни личность не «уходят» из социальной политики, но играют в ней второстепенные роли, в отличие от предприятий с их разветвленной социальной инфраструктурой и собственными социально-страховыми фондами.

Третья типологическая модель социального государства – общественная. Принцип солидарности, заложенный в ее основание, означает ответственность всего общества за судьбу своих граждан. В общественном государстве действует перераспределительная модель социальной политики (богатый платит за бедного, здоровый – за больного, молодой – за старого). Основным институтом перераспределения является, естественно, государство. Оно берет на себя львиную долю ответственности за социальное благополучие граждан. Финансовыми механизмами перераспределения служат государственный бюджет, государственные социально-страховые фонды, что обеспечивает, по большей части, безвозмездный характер социальных услуг.

Таким образом, солидаризм имеет две основные ипостаси: во-первых, солидарность между различными социальными группами и слоями общества, между различными поколениями, между государством и гражданским обществом; во-вторых, солидарность между субъектами социальной политики: государством, корпорацией, личностью – участвующими в ее реализации. В зависимости от соотношения доли участия государства, работника и работодателя в финансировании социальных программ, выделяют два типа стран: страны социально ориентированной рыночной экономики и страны рыночного социализма. В Германии и Франции – странах первого типа, бюджетные отчисления и страховые взносы работника и работодателя на социальные нужды примерно равны, а основными каналами перераспределения являются государственные и частные (под контролем государства) социально-страховые фонды. В Швеции, Швейцарии, Дании – странах рыночного социализма, значительную часть расходов на социальные нужды берет на себя государство, перераспределяющее ресурсы через бюджет.

Модели социального государства – идеальные типы. В социальной реальности это означает доминирование одних моделей при обязательном участии в социальной политике элементов других моделей. При этом степень социальности государства зависит не только и не столько от непосредственных размеров финансового участия государства в социальной политике, сколько от места социальных ценностей в идеологии государства, присутствия сильных политических институтов, наличия правового про-

странства. Поэтому социальное государство – это всегда сильное, но правовое государство. Только правовое государство защитит основные гражданские права, в том числе социальные, такие как право на труд, занятость, образование, медицинское обеспечение, пенсионное право, право на отдых и т. д. Фундаментом правового государства являются, в том числе и, в первую очередь, гражданская и политическая свободы. Вот почему современная социалистическая идея – это идея либерального социализма.

В современном российском социально-политическом процессе «социальная справедливость» едва ли не главная проблематика и одновременно почти фоновая оболочка намерений и решений всех, кто претендует на роль политического субъекта. В этом качестве, некоей неоспоримой общественной ценности и тем самым конечного оправдания деяния или неделания, социальная справедливость затмила все остальные понятия, в том числе «свободу».

И эта всеохватность и универсальность социальной справедливости как всеобщей, а фактически ничьей, никому не принадлежащей ценности, делает её не аргументом, позволяющим структурировать идейно-политическое поле и поле политических предпочтений, а демагогическим клише, растаскиваемым по партийно-политическим квартирам.

Последние президентские выборы удивительным образом демонстрируют «приверженность» социальной справедливости со стороны всех кандидатов. И в этом их главная ложь, позволяющая манипулировать общественным сознанием, действительно обращённым к социальной справедливости как к высшей ценности.

На фоне этой понятийно-ментальной подмены любая подтасовка конкретных результатов на конкретных избирательных участках выглядит как отвлекающий манёвр для сохранения властного статус-кво на главном направлении политической борьбы – за влияние на избирательный выбор массового избирателя. При этом для большинства российских политиков и политических партий вопрос политической культуры общества имеет решающее значение, но в своём отрицательном качестве: именно низкая политическая культура, в которой рациональное вытеснено на периферию, а утопическое, субъективное и чувственное строит новые мифологемы, что позволяет даже либеральным и ультралиберальным политикам, таким как Явлинский или Собчак апеллировать к представителям социальных групп, чьи социально-политические интересы не входят в приоритетные направления правых политиков и их идеологий. Что уже говорить про национального лидера, который на президентских выборах, уже не в первый раз, выступая заядлым социал-демократом, берет на вооружение программные положения политических партий, оппозирующих власти. Проблема в том, чтобы эти инициативы дошли до практического воплощения.

Позиция Владимира Путина абсолютна беспроблемна. Адаптировать к своей избирательной программе положения, которые укладываются в понятие «социальная справедливость», для него абсолютно необходимо хотя бы потому, что социальная справедливость – краеугольный камень

постсоветской ментальности, с одной стороны, и «универсальное свойство приличного общества» (по словам ведущего социолога и политолога Энтони Гидденса), с другой стороны. Но ложность путинской ситуации в том, что как либеральный экономист и лидер либерально-консервативной партии «Единая Россия» – команды оголтелых сторонников финансиации не только экономики, но и общественных отношений в целом, он не может быть последовательным проводником политики социальной справедливости. А его гипотетический переход к политике социальной справедливости означает и уход к левым. Именно социальная справедливость разделяет левых и правых.

Для правых, в контексте российского постсоветского опыта для гайдаровско-путинского направления мысли и особенно социально-экономической политики, главными приоритетами остаются священное право частной собственности вне зависимости от её происхождения (неважно, какой капитализм, хотя бы и бандитский), свобода в социал-дарвинистском проявлении (свобода силы, плутократия как реальная демократия), конкурентная среда, в которой сильные поедают слабых. Американский экономист Джеффри Сакс, бывший в своё время консультантом российских реформаторов, признавал: «Главное, что подвело нас, – это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями. В течение первых трех лет российское правительство своими противоречивыми постановлениями привело в действие процесс безудержной гиперинфляции, давшей возможность прикрывать вопиющую коррупцию, масштабы которой, мне думается, не имели аналогов в мире за последние 50 лет. В процессе этих реформ представители крупного бизнеса России присвоили себе природные ресурсы страны на десятки миллиардов долларов. А ведь еще 150 лет назад было метко сказано: собственность – это кража. И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег, и поскорее. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатства в интересах узкого круга людей» [5].

Для левых, для социал-демократов, такой выбор является свидетельством отказа от исторической перспективы для своей страны. Популярнейший германский политик Конрад Аденауэр, будучи христианским демократом, ещё в 50-е годы 20 века стал одним из главных архитекторов социального рыночного хозяйства, так как считал, что «капиталистическая система экономики не соответствует жизненным, политическим и социальным интересам немецкого народа», что «новая структура немецкой экономики должна основываться на учёте того факта, что время безграничного господства капитализма ушло». Строить Россию, уповая на стихийную игру сил, где в роли арбитра выступает «невидимая рука» рынка, значит впадать в рыночную капиталистическую утопию, авторы которой и есть бенефициары (выгодополучатели) нового порядка. Но когда существует много

неравенства, общество раскалывается. Такая страна, как сегодняшняя Россия, не может быть солидарной. А без солидарности не может быть страны.

Но солидарность, тем более свободная и самоопределяющаяся солидарность, и социальная защита, как её проявление, являются базовыми ценностями социальной справедливости, с неизбежностью порождающей эгалитарное общество, т. е. общество, в котором во главу угла ставится равенство.

Эгалитарное общество, общество социальной модели социал-демократии предполагает перераспределение. Перераспределение доходов и имущества. И вместе и этим, и, возможно, в информационную эпоху это не менее важно перераспределение знаний и умений через инвестирование в человеческий капитал.

Не случайно, именно для социал-демократов в России важнейшими вопросами являются правильный, грамотный и, главное, честный бюджет. Под демагогическими внушениями продажных СМИ простым гражданам того, что делить можно только произведённое, или того, что некрасиво считать деньги в чужом (то есть богатом кармане), скрывается эгоистическое стремление чиновников и нуворишей, рантье и получателей дивидендов (почему-то называемых «предпринимателями» и «бизнесменами»), пилить липовый, на глазок свёрстаный бюджет, мало общего имеющий с честным распределением обществом произведённого национального богатства.

По расчётам социально ориентированных экономистов, при существующих в стране социально-экономических условиях уже сегодня можно ликвидировать убогий МРОТ и заменить его социальным стандартом потребления, резко поднять среднюю пенсию, вернуть народу подлинно бесплатное образование и здравоохранение, приступить к реальному решению жилищного вопроса в интересах огромного большинства граждан, всех нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Деньги в стране есть. Правильный подоходный налог, госмонополия на производство и оборот этилового спирта, отказ от возвращения НДС экспортёрам сырья, трёхступенчатое изъятие природной ренты (недра, по крайней мере, по Конституции РФ, принадлежат народу), в целом увеличат российский бюджет в два раза.

Становится очевидным, что социальная справедливость в современной России означает, не в последнюю очередь, возвращение и к нравственным началам жизни, и к элементарному здравому смыслу. Либеральная модель экономики, вера в чудеса частной собственности и реальное обогащение временщиков в бизнесе и власти привели к резкому падению уровня жизни российского народа. Если в неблагополучном 1990 г. по этому показателю тогда ещё советский народ находился на 23-ем месте в мире, в 2010 – на 65-м [2, с. 18], а в 2017 – 49 [3]. Естественно, что с социал-демократической точки зрения такое положение вещей выглядит как искусственное, созданное корыстной, непрофессиональной и идеологически несостоятельной властью.

Впрочем, и с исторических позиций курс либерального нетворческого западничества является не отвечающим национальной специфике стра-

ны и её народа. «Душа России – не буржуазная душа, – душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить её бесконечно», – писал Николай Бердяев [1].

Таким образом, социальная справедливость является для России, тем более для сегодняшней России, не пожеланием и не политической демагогией, а насущной необходимостью в строительстве новой социально оправданной и социально-экономически сильной страны, осознающей своё исторически обусловленное место в культурно-цивилизационном развитии мира. Социальное правовое государство не пожелание, а насущная необходимость русской жизни. Фундамент реальной национальной безопасности.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М. : Сов. писатель, 1990. 348 с.
2. Миронов С. Честный выбор. М. : Без изд-ва, 2012. 96 с.
3. Уровень жизни в странах мира: рейтинг 2017 года [Электронный ресурс] // Европортал: сайт. URL: <http://evroportal.ru/strani/uroven-zhizni-v-stranah-mira-reyting-2017/#i-2> (дата обращения: 25.02.2018).
4. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2007. 588 с.
5. Независимая газета. 31 дек. 1998.

УДК 331.108.2:328.185(470)

Ильин С. В.

Научное общество «Байкальский Аналитический Центр», г. Иркутск

НЕ ВСЯКИЕ «КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЁ»: НОВАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ

Публикация отражает междисциплинарный научно-прикладной подход в профилактике коррупции в России. Показаны составляющие воспроизводства коррупции, основной из которых остаётся устаревшая кадровая политика. Оригинальные проекты её системной модернизации включают: новую методологию кадровой политики, реорганизацию практики госслужбы, учреждение новых госорганов взамен или путём объединения неэффективных, повышение роли гражданского общества в антикоррупционном контроле, формирование системы прикладной общественной науки, внедрение антикоррупционного образования и др.

Ключевые слова: антикоррупционная кадровая политика, прикладная общественная наука, профилактика коррупции, электрология, электоринг.

Pyin S. V.

Scientific company «Baikal Analytical Center», Irkutsk

NOT ALL «CADRES DECIDE EVERYTHING»: NEW ANTI-CORRUPTION PERSONNEL POLICY IN RUSSIA

The publication reflects an interdisciplinary scientific and applied approach to the prevention of corruption in Russia. The components of corruption reproduction are shown, the main of which remains outdated personnel policy. Original projects of its system modernization include: a new methodology personnel policy, reorganization of the practice of the public service, the establishment of new government agencies in return or by inefficient enterprises, increasing the role of civil society in anticorruption control, the formation of a system of applied social Sciences, the introduction of anti-corruption education, etc.

Keywords: Anti-corruption personnel policy, Applied social sciences, Prevention of corruption, Electology, Electoring.

Лозунг «Кадры решают всё!» выдвинул И. Сталин в 1935 году в конкретных исторических обстоятельствах [11, с. 83]. Лозунг долго был руководством к действию. В 1991 году изменились сами обстоятельства, так как кадры не всё решили. Но изменилась ли кадровая политика?